

2. Ю.А. СОРОКИН

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

2. Yu. Sorokin

Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

СЕМИОСФЕРА / МЕНТОСФЕРА: ЧЕТЫРЕ НЕЗАВИСИМЫХ МИКРООПИСАНИЯ

SEMIOSPHERE / MENTOSPHERE: FOUR INDEPENDENT MICRO DESCRIPTIONS

Ключевые слова: психотип, этнотип, невербальный язык, семиосфера, ментосфера, перевод.

Keywords: psychotype, ethnotype, nonverbal language, semiosphere, mentosphere, translation.

В статье речь идет о русском, вьетнамском, китайском и французском психотипах; устанавливаются соответствия и различия между этими народами в фокусировке когнитивно-когнитивного внимания к миру.

The article deals with Russian, Vietnamese, Chinese and French psychotypes; accordances and distinctions between these nations in focusing cognitive-cognitive attention to the world are established by the author.

I. ДОМ И ДОРОГА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВЬЕТНАМЦЕВ

Мой приятель, вьетнамец, проучившийся в России лет пятнадцать, рассказывал, что когда, наконец, к нему приехала семья (жена и двое детей – мальчик семи лет и девочка пяти лет), ему пришлось забыть о своих делах и буквально не отходить от них. К снегу и выбеленным деревьям во дворе дети привыкли быстро. И гораздо медленнее привыкали к людям. Однажды, когда в лифт зашла высокая и крупная женщина – девочка расплакалась. Дома отцу удалось докопаться до причины слез: «Тетя – слишком большая». Такими же большими показались ей (мальчик оказался похрабрее) и гости-вьетнамцы, приходящие в дом; она от них пряталась. С квартирой – большой трехкомнатной – тоже не все сразу утряслось: непривычной оказалась высота (9-ый этаж) и самое главное – отсутствие знакомых ориентиров.

Как правило, традиционный вьетнамский дом состоит из «трех частей и двух крыльев»: «часть» – это внутреннее пространство дома, ограниченное столбами и стропилами, а «крыло» – левая или правая «доля» дома. Этот дом – одноэтажный, и в нем три комнаты; две небольшие («крылья») и одна центральная, делящаяся на три части (но без стен и перегородок; столбы в ней служат знаками того, где одна «часть» переходит в другую). Центральную комнату вьетнамцы считают наружной (внешней), а боковые – внутренними. Во «внешней» комнате находится алтарь предков и мягкая мебель для прие-

ма гостей (собственно – это гостиная), а «внутренние» служат спальнями и местом хранения имущества и продуктов (и в московской квартире вьетнамцы воспринимают гостиную как внешнюю часть дома, а спальню – как внутреннюю). В нетрадиционном доме (в таком, где комнаты располагаются не слева направо, а поочередно) передняя комната также воспринимается как внешняя, а задняя как внутренняя. Но это противопоставление (безусловно, бессознательное) может и нейтрализоваться, например, в том случае, если спальни родителей и спальни детей расположены рядом или напротив друг друга, тогда считается, что у этих комнат – одинаковый статус.

Для русских спать на кровати – значит спать или с краю или у стенки; для вьетнамцев спящий у стенки воспринимается как спящий «внутри», а спящий на краю или на середине кровати как спящий «снаружи». Если в комнате находятся две кровати и они стоят в ее центре, то кровать, стоящая ближе к двери, считается наружной, а стоящая дальше – внутренней. Но возможна и другая оценка – в зависимости от наблюдателя, который будет считать кровать, стоящую ближе к нему, передней, а стоящую дальше – задней.

В доме различаются главные и неглавные комнаты: в первых живут хозяева, во вторых – прислуга (хозяйские комнаты строятся так, чтобы находиться повыше остальных). И даже в домах (или квартирах) современного европейского типа сохраняется традиционная ориентация на «верхние» и «нижние» помещения. Говорят: «Подняться в дом», но «спуститься в кухню».

Хотя каждый дом – чья-то крепость, из него все-таки уходят и снова туда возвращаются. В микрорайоне (зона соседних домов, переулков и улиц) вьетнамец также ориентируется по-своему; если дом, к которому он движется, находится за пределами переулка, на этой же стороне улицы, то идущий **ВЫХОДИТ** туда. В том случае, когда два дома находятся на пересечении переулка и улицы, вьетнамец **ВЫХОДИТ** к дому, если его фасад смотрит на улицу (считается, что дом находится **ВНЕ** переулка) и **ПЕРЕХОДИТ** к дому, если его фасад смотрит в переулок.

При расширении зоны перемещения учитываются другие факторы: 1) рынок или почта находятся рядом с микрорайоном. Тогда вьетнамец также **ВЫХОДИТ** к ним; 2) они находятся вне микрорайона (на севере или на юге). В этом случае вьетнамец **ПОДНИМАЕТСЯ** к ним

Движение из города к морю (порту) считается движением «наружу»; такой же считается поездка в городские пригороды. Но ехать, например, в Чолон (район компактного проживания китайцев в Хошимине) – значит ехать **ВНУТРЬ** города.

Считается также, что движение с севера на юг – это движение из открытого в замкнутое пространство (движение **ВНУТРЬ**), причем к востоку или юго-востоку (приморские районы страны) можно **СПУСТИТЬСЯ**, а к северу, северо-западу и юго-востоку (горные районы) можно лишь **ПОДНЯТЬСЯ**.

Вьетнамцы могут мыслить «я» и как конечную точку движения, и как указание на **МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ** этого «я» в пространстве (например, при-

глашение: «Оставайтесь сегодня вечером ночевать у меня» передается по-вьетнамски лишь как; «ВЕЧЕР СЕГОДНЯ СПАТЬ ОСТАВАТЬСЯ МЕСТО Я»), а само движение могут рассматривать либо в целом, либо выбирать из него значимые отрезки. Например, два вопроса к землякам: «Ходили ли Вы в Большой театр?» (досл.: ВЫ УЖЕ ПРИЙТИ БОЛЬШОЙ ТЕАТР ЛИ?) и «Вы уже были в большом театре?» (досл.: ВЫ УЖЕ ВОЙТИ БОЛЬШОЙ ТЕАТР ЛИ?) предполагают наличие двух образов у спрашивающего. В первом случае он мыслит себя находящимся в гостинице вместе со своими земляками и представляющим путь ОТ ГОСТИНИЦЫ К ТЕАТРУ, во втором – он «выбирает» последний отрезок пути, представляя, что он находится РЯДОМ С ТЕАТРОМ (Ли Тоан Тханг, 1993).

II. ВЬЕТНАМСКИЕ СРАВНЕНИЯ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ

Прежде чем познакомить вас с ними – нужно, наверное, сказать вот о чем: русские и вьетнамцы различаются между собой фокусировкой когнитивно-когнитивного внимания. Если мы, разговаривая, стараемся дать представление о предмете в целом, то вьетнамцы – лишь о его части. Судите сами: «золотая печень + железный живот» = преданность, «прохладная + рука» = способность к лечению или воспитанию кого-либо, «вкусные + глаза» = приятный на вид, «синие + глаза» = очень бояться, «прямая + спина» = ленивый. Русский может сказать: «Я очень устал», и не уточнять, от чего, вьетнамец обязательно уточнит: устал от работы, ходьбы, устал вертеть шеей. Когда он говорит, что у него «переворачивается печень» – это означает, что он злится (бесится), А желая похвалить кого-либо, он скажет: «Светлый живот», имея в виду, что этот человек – умный.

Конечно, и русским, и вьетнамцам свойственны и общие оценочно-характеристики: «уши чуткие, как у собаки», «шея длинная, как у гуся», но есть и такие сравнения, которые вряд ли пришли бы на ум русскому – например, сравнение маленьких ушей с ушами мыши или сравнение красивых (круглых) глаз с глазами голубя.

Хотя еще римляне полагали, что «с трудом верится тому, чему верить тяжело», давайте все же попробуем справиться с этой тяжестью. Итак, с чем же сравнивают вьетнамцы тонкие губы или прямые ноги? С бумагой или черном листе кокосовой пальмы. Плоская голова похожа, по мнению вьетнамцев, на голову сома, а пухлые щеки – на блины из рисовой муки. Пальцы на ноге, если они не тесно прижаты (растопырены) напоминает им утиную лапу или веник, согнутая (горбатая) спина – сваренную креветку, большие глаза – крупную улитку, «длинная» (русские скажут: «широкая») спина – коромысло или спину гиббона, короткая шея – спину свиньи (русские в этом случае указывают на толщину: толстая, как у свиньи) или черепахи, короткие пальцы – такие же бананы, рябое лицо – осиное гнездо, а густые брови – гусеницу (или веник).

Кстати (*ad vocem*), если вы угостите вьетнамцев конфетами «Мишка на севере» («Мишка косолапый») – не удивляйтесь их недоумению и распросам: это для нас он неловок и неуклюж, а для них – жаден, дерзок и нагл.

III. КИТАЙ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И КНИГАМ

Если рассказывать о Китае – на это придется, видимо, потратить всю жизнь. 1001 ночи явно не хватит. Единственный выход – поверить памяти: в ее янтаре застывают отнюдь не случайные частицы увиденного. А к ним прибавляются – тоже выборочно – что-то из прочитанного. Из какой книги – иногда и не вспомнишь. Остаются детали и факты, которые нужны для памяти.

Сейчас Пекин меняет свое лицо: на нем все больше западноевропейского и американского грима. Строятся новые высотные дома (похожие на те, что привычны и для Венгрии, и для Японии), сносятся старые районы – мне говорили, что, например, Хайдянь, соседствующий с Пекинским университетом, я не узнаю и в нем заблужусь – проводятся новые автомагистрали и изобретаются хитроумные шоссейные развязки. И это тоже понятно: в Пекине – многолюдно, как и во всей стране: Китай – «тесная» страна (в ней живет больше миллиарда человек).

Если я приехал бы в Пекин, то поскорее попытался забыть бы о его центре, например, об улице Чаньанцзе (о нашей Тверской). Но добрался бы до Пекинского университета (говорят, он внешне почти не изменился). Он там, за четырехугольником кирпичных стен, там коттеджи для преподавателей, студенческие общежития и учебные корпуса, а вокруг – зеленые фейерверки кустов и деревьев. И густая маслянистая тень под ними. И тишина. И пруды. И дорожка петляет, сталкиваясь с тем, что и не замечал: постамент, на нем треножник (колокол?), отлитый в такие времена, что и не верится. Медь потемнела, и в ней кое-где зеленые штрихи плесени.

От университета быстрее добираться и до Ихэюаня – летней резиденции императрицы Цыси. Когда-то я обошел этот парк весь, подгоняемый жадностью глаз и нетерпением любознательности. И зря. Нужно было купить мороженное (у нас оно слаще и сытнее, у китайцев – фруктовый удлиненный кусочек льда, насаженный на палочку) и медленно идти по галерее, незаметно петляющей вдоль берега озера: тень, росписи на потолке (цветы и мифы), неожиданный ракурс пейзажа, возникающий из-за незаметного изгиба галереи, выдох прохлады с озер Ихэюаня. И пусть вода мутновата, но когда белорозово цветут лотосы, ее почти не замечаешь (да ее почти и не видно) и кажется, что лодка плывет по листьям.

И все-таки в город съездить придется. Ради Гугуна, некогда императорского дворца. Ему 500 с лишним лет. И лучше туда придти ранним летним утром: попрохладнее и людей поменьше. Собственно, Гугун – это комплекс зданий, своего рода соты, каждая ячейка которых уникальна. Картины и утварь, фарфоровые вазы, каменные и медные звери – духи неба и земли, таблички с пояснениями (от них кругом идет голова) запестрят перед вами. Но

самое главное – не этот познавательный калейдоскоп, а нечто другое. Попробуйте остановиться в одном из переходов. И, оставшись в одиночестве, оглянитесь и прислушайтесь: вверху – голубой зрачок неба, вокруг – желто- и красно-коричневое. И гулкая обступающая тишина. Затягивающаяся петлей.

Лето в Пекине похоже на наше, но жара и духота переносятся тяжелее. Весна ошеломительна взрывами цветенья и скоротечна: словно боится опоздать. Лучше всего – осень: мягкая, теплая, тихая. Зимой морозов, похожих на наши, не бывает, но от ветра, если не наденешь шерстяного свитера, быстро начинаешь поеживаться. Да еще лессовая пыль впридачу. Китайцы защищаются от нее мелкочаеистыми решетками на окнах, но она и сквозь них просачивается.

Конечно, в Китае не предложат бараньего бока с кашей – блюда, которое предпочитал всем остальным Собакевич. На юге едят морскую рыбу, омаров, крабов, осьминогов. Жуют бетель и грызут сахарный тростник (он считается лакомством). Чаепитие – на первом месте, как, впрочем, и на севере. Лучший чай («Учжи» – «Пять пальцев», название горы) разводят на острове Хайнань. Дело вкуса, но особенно хорош он, если его «приправят» жасмином.

Особой популярностью (с севера до юга) пользуются «цзяоцзы» (пельмени). Но мне почему-то кажется, что не было ничего вкуснее лапши с курицей в харчевне Хайдяня или супа «трех ароматов» (прозрачный, почти не заправленный, пахнущий какими-то травами) в ресторане Ихэюаня. Любят китайцы и вкусовые контрасты: например, рыбу в кисло-сладком соусе. К ним можно привыкнуть, но не окончательно: для нас привычнее моновкусовая или «нейтральная» еда.

У китайцев существует и понятие «нулевой еды»: семечек, орехов, конфет.

Если Вы приехали в Китай – не уезжайте оттуда, не побывав в Сучжоу (провинция Цзянсу) и Ханчжоу (провинция Чжэцзян). Именно о них китайцы говорят: «На небе – рай, на земле – Ханчжоу и Сучжоу». Сучжоу – китайская Венеция (говорят, это сравнение принадлежит Марко Поло), вода, сады и парки. И один из них – Шицзылинь – «Львиный лес», в котором собраны камни самой причудливой формы. Сходите и на тигровый холм: на нем похоронен основатель города Хэ Люй.

Ханчжоу помнится не тем, что там начинается великий канал (с юга на север) и не тем, что можно плюнуть на изваяние Цин Гуя (его имя – символ предательства). По правде говоря, я не решился это сделать да и туристы-китайцы отнюдь не спешили воспользоваться такой возможностью. Ханчжоу нельзя забыть, если обойдешь озеро Сиху и пройдешь по дамбам Бо Цзюйи и Су Ши (Су Дунпо) – по преданию, оба великих поэта споспешествовали, находясь на службе в Ханчжоу, строительству этих «плотин». Нельзя забыть, если подышишь теплым, пахнущим сосной и пихтой, воздухом предгорья и услышишь сплетенные из мягкости и мелодичности голоса ханчжоусских женщин.

Пускаясь в поездку на юг (по собственной инициативе, а не по ведомству туристических компаний) приготовьтесь к тому, что автобус, идущий на железнодорожный вокзал (но и на всякий другой), китайцы привыкли брать штурмом: очередь для них весьма условное понятие. А на вокзальной площади ищите табличку с номером вашего поезда. Найдя, пристраивайтесь к ждущим. Минут за двадцать до посадки появится служащая (со свистком) и по ее сигналу – а она и поведет вас – пойдете на посадку. Вагоны проводники не открывают до тех пор, пока около них не выстроятся ожидающие. Эти «правила» не касаются пассажиров мягких вагонов: для путешествующих в них предусмотрен специальный зал ожидания. И еще: в поезде не возбраняется курить (предложить попутчику сигарету – самый естественный поступок; отказ принять ее – китайца обижает) и бросать мусор на пол.

Китай не позволяет себя забыть. И даже не Великой стеной (с запада на восток) в 10 тыс. километров и не «Шелковым путем», начинавшемся в Чаньане (нынешний Сиань) и уходившим через Синцзян, Памир и Среднюю Азию к Средиземному морю.

Китай напоминает о себе изобретением компаса со стрелкой (в эпоху Сунн – 960-1279 гг.) и черного пороха (в VII веке – в эпоху Тан). Он – виновник появления бумаги (самые древние ее образцы датируются II веком до н.э.) и книгопечатания (в XIII в. Ван Чжэнь «придумал» подвижные литеры и вращающуюся наборную кассу). Самая древняя карта звездного неба (дуньхуанская) была составлена в 949 году, а в 1199 году китайские астрономы установили, что год состоит из 365,2425 суток.

А пекинская опера с ее четкой символикой масок (амплуа), пения и невербального поведения? О ней – не расскажешь, ее нужно видеть и слышать. А живопись? Сунского времени, например. У меня к ней «влеченье, род недуга». И вы тоже заразитесь, если увидите (в Гугуне) «Деревню на высоком холме» и «Валуны на бескрайней равнине» (кисти По Си) или «Горы и сосны под снегом» Ма Юаня.

Еще живы и китайские традиционные праздники – праздник Весны (в бытность Новый год), приуроченный к первому дню первой луны (конец января – начало февраля). Накануне его варят кашу («восьмисортную»), смешивая клейкий и неклеякий рис, пшено, красные бобы, гаолян, финики, ядра грецких орехов и арахиса и, тем самым, намекая богам Неба и Земли, что уповают на их милость и ждут хорошего урожая. Не забывают и о боге домашнего очага Цзаоване. Ему мажут рот сахаром: пусть его речи станут сладкими. Вывешивают картинки-пожелания счастья: гонки лодок-драконов, смеющийся младенец с карпом в руках. В полночь начинают рваться хлопушки (ими когда-то отгоняли от праздника духов тьмы) и рвутся до самого утра.

В первый день праздника Весны (Нового года) принято навещать родственников и поздравлять их. А вот «лунные пряники» (увидев их, европейцы спрашивают: «Что это? Пирожные?») напоминают о Чжунцю – празднике середины осени. Его отмечают 15 числа восьмого месяца. «Пряники» пекут из пшеничной муки тонкого помола, добавляя в нее, конечно, масло, сахар,

орехи и пряности. Когда-то этими подарками задабривали бога Луны. Но и сейчас их символика не утрачена; они напоминают (как и свет полной луны) о родном доме и обо всех отсутствующих в этот час.

Вряд ли каждый китаец знает, что праздник Юаньсяо (праздник фонарей) возник в первом веке нашей эры (в эпоху Хань, при императоре Минди). Он был верующим и посему повелел подданным в 15 день первой луны зажигать лампы перед «иконами» Будды. Со временем о смысле указа императора, видимо, позабыли, но продолжали в этот день развешивать фонари на улицах. В танские времена (VII век) власти, зная о популярности праздника, разрешили гулять всю ночь напролет.

Фонари изготавливают из соломки, шелка, бамбука. Они настолько разнообразны (хочется сказать: хитроумны), что кажутся приснившимися. Особенно притягивают фонари-загадки (словесные или изобретательные). В загадках состязаются. Я тоже пытался (про себя), но в победители не вышел.

А теперь, в завершение, о том, что не менее важно, чем вышеизложенное – о китайском психотипе, или, иначе говоря, о тех глубинных установках и ценностях, которыми руководствуются китайцы и которые составляют основу их этнического характера.

Опираясь на данные, приводимые К. Тертицким, можно считать, что в основе китайского этнотипа лежат холистические установки (отношение к миру как к живому организму).

Китайцы в основном ориентированы на других, рассчитывая на их помощь и на взаимные обязательства (экзоцентризм), а американцы, например, ориентированы в основном на самих себя (эндоцентризм). Китайцы особенно чувствительны к «частной морали» (семейные и клановые обязательства) и индифферентны к «морали других». Особенно важной является установка на сохранение «лица» (престижа) – и своего, и чужого. Она позволяет свести к минимуму конфликты в межличностных отношениях и гармонизировать их. «Лицо» можно не только потерять, но его можно обменивать, накапливать и продавать. По мнению самих китайцев, они усердны и старательны, экономны и бережливы, практичны и консервативны, гуманны и послушны, деятельны и умелы, застенчивы и терпимы.

IV. НЕСКОЛЬКО «БУКВ» ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО НЕВЕРБАЛЬНОГО «АЛФАВИТА»

Этот алфавит не похож на обычный. Если форма букв естественного языка постоянна (А всегда равно А), то форма «букв» невербального «алфавита» или, лучше сказать, языка – текуча, существуя в виде микро- и макродвижений, составляющих то, что мы называем мимикой и жестикულიацией. А позы? Это тоже невербальные «буквы», но застывшие на какой-то промежуток времени.

Невербальные «буквы» своего родного «алфавита» мы выучиваем неосознанно. И очень рано – в детстве. Узнаем их и умеем складывать из них высказывание, даже не задумываясь, как это делаем. Легко и безошибочно

читаем и понимаем невербальную речь других. И зачастую не задумываемся над тем, что «буквы» нашего невербального «алфавита» и «буквы» чужого текучи по-разному, что у них разные смыслы и что мы можем даже не узнать чужие «буквы», а если и узнаем, то или ошибемся в истолковании, или перетолкуем на свой лад.

Вряд ли узнаете (этой невербальной «буквы» в нашем невербальном «алфавите» вообще нет) и поймете, что означает такой жест; когда француз указательным пальцем слегка оттягивает нижнее веко (правого) глаза, давая понять, что один из собеседников слишком заговорился, стал явно говорить неправду (лгать). Правда, один из собеседников может воспользоваться в этом случае и вербальной поддержкой, сказав: «C'est faux» («Это неправда, ложь»), и тогда (если вы знаете французский язык) все станет на свои места.

Еще несколько примеров: 1) тыльной стороной кисти руки (обычно правой) проводят несколько раз по щеке (от уха к подбородку и обратно); 2) обеими руками почесывают (поскребывают) ребра с боков; 3) соединив вместе указательный и большой пальцы (правой) руки и поднеся их к губам, ладонь поворачивают в сторону говорящего; 4) правую руку поднимают к виску, пальцы прижимают к ладони, а затем несколько раз сжимают и разжимают их; 5) большой палец (левой) руки опускают вниз, остальные прижимают к ладони; 6) (правая) рука чуть согнута в локте, опущена вниз, указательный палец вытянут и им энергично помахивают из стороны в сторону; 7) кистями рук, находящихся на уровне пояса, также помахивают справа налево и слева направо; 8) кончик большого пальца засовывают под верхние зубы, одновременно «автор жеста» слегка приседает, изображая на лице страх.

Первый жест указывает на то, что один, из беседующих надоел своими разговорами всем остальным (конечно, этот жест используется скрытно от того, кому адресован). Русским такая невербальная «буква» непонятна (она для них – лагуна, смысловая пустота, коммуникативная загадка), так как в этой ситуации русские или пожимают плечами, или начинают постукивать пальцами по столу, что однозначно прочитывается и понимается «Надоело, и когда он кончит говорить!». Смысл второго жеста: мне очень смешно (русские скорее всего так и скажут), смысл третьего: одобрение – весьма положительное – тех или иных слов, того или иного поступка. Для русских эта невербальная «буква» пуста и непривычна: они или выразят свое одобрение словесно («Хорошо!», «Отлично!»), или используют в этом случае другой жест: четыре пальца правой руки прижаты к ладони, большой палец поднят вверх (сама рука чуть согнута и вытянута вперед). Четвертый жест также непривычен для русских: он используется в тех случаях, когда хотят привлечь внимание какого-либо человека, негромко окликая его. Русские в этом случае используют другую «букву»: подняв правую руку на уровень головы, они помахивают кистью руки слева направо и справа налево (причем ладонь направлена в сторону подзываемого). Они могут использовать жест; аналогичный французскому: указательный палец правой руки, согнутой в локте, поднят вверх, чуть выше уровня головы, остальные пальцы прижаты к ладони, которая направлена в сторону того, кому адресован жест. И французы, и рус-

ские используют, как правило, этот жест в тех случаях, когда нужно подзвать кого-то или обратить на себя внимание, но нельзя это сделать вслух. Пятый жест (изначально приговаривающий гладиатора к смерти) указывает на то, что кому-то из участников беседы кое-что не нравится («Не так!», «Это плохо!»). Пятая «буква» в равной мере и экзотична, и архаична для русских, привыкших в этом случае давать вербальную оценку или использовать «гримасу недовольства», сопровождаемую покачиванием головой в знак отрицания. Шестой жест – это жест, выражающий несогласие или даже протест. Русский эквивалент совпадает с французской невербальной «буквой» лишь частично: русские могут выразить несогласие также невербально, но используя иную «букву» на карте движений – покачивание головой из стороны в сторону в знак отрицания. Запрет русскими, скорее всего, будет выражен вербально. Седьмой жест, с помощью которого французы выражают сомнение в достоверности услышанного (в достоверности сведений), а этот жест сопровождается и выражением неуверенности на лице, также непонятен русским: они, наверняка, используют в этом случае жест покачивания головой, подкрепляя его вербально. Восьмой французский жест не имеет, по видимому, никаких аналогов в русском неречевом общении, особенно среди учащихся, ибо означает: а) кто-то не выдержал экзамена, т.к. ничего не знал; б) собеседник абсолютно некомпетентен. Отметим также, что дети с помощью этого жеста подчеркивают свой страх, не желая что-нибудь делать или слушать.

Конечно, не все невербальные «буквы» столь неопознаваемы в смысловом отношении. Если вы увидите, что кто-то поднял (левую) руку, согнув ее в локте, выше уровня головы и отмахивается кистью руки, тыльная сторона которой обращена к собеседнику, то вы наверняка поймете, что этим жестом подчеркивают, что не нуждаются в совете или хотят подождать с решением. Вполне прозрачным (и знакомым) окажется и ситуация, в которой кто-то прикладывает указательный палец к губам, хотя и не подушечкой, а боком: «Ничего не говорите. Молчите, Храните тайну». И полностью узнаваемыми и понятными оказываются те ситуации, в которых мужчина ударяет сжатыми в кулак пальцами правой руки о ладонь левой (преимущественно русские) или сжатыми в кулак пальцами левой руки в ладонь правой («решено окончательно и бесповоротно»), или когда энергичножимают плечами (выражение сомнения, недовольствия или полного безразличия), или когда кто-то стоит лицом к дороге (чуть боком), а указательный (или большой) палец его правой, поднятой на уровень плеча, руки перпендикулярно направлен к дороге (просьба остановиться, авто-стоп). Одинаково и нами, и французами прочитывается и понимается жест подзывания шофера такси: правая или левая рука поднята вверх, большой палец также поднят вверх, остальные пальцы прижаты к ладони. Так же французские учащиеся «просят слова». И почти одинаково с русскими, которые «поднимают руку» – обычно правую – чуть выше уровня плеча, но не сжимая пальцев. И, конечно же, одинаково понимается V-жест (жест победы: указательным и средним пальцем правой и/или левой руки, поднятой вверх, имитируют ее форму) или жест приветст-

вия на расстоянии: согнутая в локте правая рука поднята на уровень головы, пальцы сжаты в кулак.

Полуопознаваемым и полупонятным русскими можно считать французский жест, указывающий на то, что кому-то очень хочется, чтобы сбылись пожелания собеседника: правая рука поднята выше уровня головы, указательный и средний пальцы перекрещиваются. Это полуузнавание и полупонимание объясняется тем, что русскими перекрещивание указательного и среднего пальцев, хотя и может пониматься в аналогичном смысле (повидимому, это все-таки детский и подростковый жест, почти не используемый взрослыми, жест-оберег, жест от сглаза), сам жест занимает на русской карте движений иное положение: пальцы перекрещивают на уровне пояса. И если это стараются сделать незаметно, тайком, то, отнюдь не желая, как это желают французы, чтобы пожелания собеседника не сбылись.

Литература

1. Дикаров А.Д., Лукин А.В. Три путешествия по Китаю. – М., 1989.
2. Желоховцев А.Н. «Культурная революция» с близкого расстояния. Записки очевидца. – М., 1973.
3. Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков). – М., 1993.
4. Рахманин О. Из китайских блокнотов. О культуре, традициях, обычаях Китая. – М., 1982.
5. Тертицкий К. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. – М., 1994, ч. 1.

Rereferences

1. Dikarov A.D., Lukin A.V. Three trip to China. - M, 1989.
2. Zhelokhovtsev A.N. «Cultural revolution» from close range. Notes of eyewitness. - M, 1973.
3. Li Toan Thang. Spatial model of the world: cognition, culture, ethnic psychology (on the material of the Vietnamese and Russian languages). - M, 1993.
4. Rachmaninov O. From Chinese notebooks. About culture, traditions, customs of China. - M, 1982.
5. Tertitsky K. The Chinese: traditional values in the modern world. - M, 1994, part 1.

(0,56 п.л.)